

Василий Гонзалес

ГОЛУБАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ

16+

Василий Гонзалес
Голубая эскадрилья

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гонзалес В.

Голубая эскадрилья / В. Гонзалес — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Удивительная история жизни, рассказанная перед смертью случайному знакомому на парковой скамейке.

Эту историю мне рассказал умирающий ветеран Великой Отечественной. В тысяча девятьсот девяносто пятом году, летом, я попал в военный госпиталь в Минске с аппендицитом. Прихватило прямо за штурвалом, в полете. Да так прихватило, что еле посадил машину.

После операции я очнулся в двухместной палате. Вторым в палате и был этот самый умирающий ветеран. Разговорились, конечно. Оказалось, что ветерану месяц назад исполнилось восемьдесят пять лет, а жить ему осталось совсем ничего: врач сказал, что сердце ветерана может остановиться в любой момент. Ветеран об это знал, к смерти был готов и относился к ситуации философски, даже с юмором. Говорил мне: «Васек, если я ночью помру, ты это... Шум не поднимай, а то набегут, не дадут поспать. Ты выпишься, а утром уже и сообщи». Он радовался, что ничего не болит, и есть немного сил для ежедневных прогулок в красивом сквере во внутреннем дворе госпиталя. Благо погода стояла, как по заказу: тепло, но не жарко, ночью дождик освежал огромные тополя и делал прозрачным утренний воздух, а днем тополя шуршали листвой и хранили в тени дорожки и лавочки сквера. Ветеран был маленький, худой и очень ветхий. А вот карие глаза его, хотя уже поблекшие, были живыми, взгляд был быстрым и острым.

Со времени нашей встречи прошло уже больше четверти века, и фамилия ветерана стерлась из моей памяти. Помню только, что фамилия была какая-то совсем простая: то ли Иванов, то ли Петров, то ли Семенов, или что-то в этом роде. Кажется, Петров... А вот имя ветерана я помню до сих пор: звали его Павел Пантелеевич. Званием Павел Пантелеевич был полковник, и был он тоже летчик.

Когда ветеран узнал, что в числе прочего я увлекаюсь писательством, он сильно обрадовался и заявил, что теперь не умрет, пока не расскажет удивительную историю своей жизни. Взял с меня обещание, что я непременно напишу и опубликую ее. История эта началась еще до войны. Уж не знаю, правду или нет рассказал мне ветеран, но обещание свое я выполняю. Тем более, что история совершенно удивительная.

Далее повествование пойдет от лица главного героя – полковника Павла Пантелеевича. Иногда это повествование я буду прерывать своими комментариями.

В авиацию я попал случайно, и думать про небо не думал. В тридцать девятом году, мне тогда было всего двадцать четыре, пацан еще, я работал на стройке начальником строительства, по-нынешнему – прорабом. Если бы мне тогда сказали, что я летать буду, да еще и военным асом буду, я бы никогда не поверил. Жил, работал, дивчина у меня была, красавица, жениться собиравшись. А что? Я был с высшим образованием, инженер-строитель, тогда это ого-го было, на вес золота. Планы были, родители свадьбу готовили... Забрали меня прямо со стройки. Пришли двое, показали корочки, увели. Допросов было всего два. Оба раза избили до полусмерти, даже ничего не спрашивали. Потом приговор: статья 58-10, польский шпион, вредитель, пятнадцать лет. Пока ждал этапа, писал Сталину, мол, произошла чудовищная ошибка, несправедливость, разберитесь, Иосиф Виссарионович, меня освободите на благо Родины, а следователи – они и есть главные вредители, невинным зубы табуретками выбивают. Следователи потом это письмо меня сожрать заставили, затолкали в горло, били так, что, как выжил – не знаю. Видимо, молодой потому что был, живучий. Отлежался чуток, хотел руки на себя наложить от несправедливости. Рукав рубахи на полоски порвал, сплел веревку, хотел повеситься, не дали сокамерники. Из петли достали. Был там у нас один мужик здоровенный, кузнец. Тоже 58-10, тоже шпион-вредитель. Жену его тоже забрали, били и насиловали у него на глазах. Так он мою веревку припрятал, говорит, пригодится. Пригодилась... Вызвали его на допрос, он попросился со всеми, увели. Больше его не видели. Оказалось, пригодилась моя веревочка: удавил он ей следователя прямо в кабинете. Забили кузнеца до смерти, голову молотком проломали. Потом еще неделю лютовали охранники, били всех смертным боем, многих до смерти забили, многих покалечили. Мне повезло: уехал этапом. А то может и меня бы...

Видишь, я в своей истории к небу никак не приближаюсь, а наоборот, почти в землю ушел. Но это еще не самый низ, не самое дно, до которого я спустился.

Три месяца ехал я до лагеря. В товарном вагоне, в основном стоя. Ну вот как в трамваях ездят. И вагон в основном стоял, ехали по ночам, и то не каждую ночь. Спали по очереди, по часу. В трех углах вагона спальные места держали, чтоб человек лечь мог. Места мало было, ноги не вытянуть, но даже калачиком свернувшись было хорошо поспать. В четвертом углу отхожее место держали, туалет, значит. Туда по большой нужде ходили. А по малой под себя, не до жиру. Возле двери трупы складывали стопкой. Кто не брезговал, ложился спать прямо сверху. Я тоже не раз так спал, когда уж совсем невольно было. Трупы не убирали из вагона, везли до самого места, чтоб сдать по описи. Они разлагались, воняли. Кормили нас хлебом, забрасывали буханки в вагон, как собакам. Раз в день. Хлеб плохой был, полусырой. Вода в бочке была, наполняли бочку на станциях. Больше половины людей по дороге померло.

Павел Пантелеевич рассказывал все эти ужасы спокойно, не спеша. Иногда задумывался, вспоминал, молчал несколько минут, глядя в небо сквозь кроны громадных тополей, затем снова говорил. Я понимал, что слова не передавали и сотой части того, что пережил этот человек. Я не задавал уточняющих вопросов, поскольку было очевидно, что и без них повествование дается моему собеседнику очень нелегко.

То, что мы приехали на место, стало понятно, когда нам велели выйти из вагона и выгрузить трупы. Трупы остались на станции, а оставшиеся в живых пошли дальше пешком. Охрана ехала верхами и в телегах. Шли целый день. По дороге люди падали. Если совсем не могли идти, их несли другие заключенные. Когда не получалось нести, их добивали охранники выстрелами в голову. Трупы грузили на телеги и везли сдавать в лагерь. Я упал уже в лагере, на перекличке. Выкрикнули мою фамилию, я сказал «я» и упал. Очнулся в бараке, на полу возле параша. Я попал в барак к блатным. Когда они узнали, что я «политический», польский шпион, они сказали, что я политическая проститутка, и буду у них тоже проституткой. Несколько дней на работу меня не гоняли, и я немного пришел в себя. Отмылся, поменял одежду, поел, выспался. Хотя и на полу, а спал долго и крепко. На четвертый день блатные сказали, что хватит мне отдыхать, пора отрабатывать шмотки и еду. Они меня избивали и изнасиловали. Затем плоскогубцами вырвали все передние зубы сверху и снизу до клыков. Это чтоб меня было удобно в рот пользоваться. Подождали, пока заживут десны и...

За три года я почти перестал быть человеком. Я отупел, потерял интерес к жизни, никогда не разговаривал и почти перестал понимать, что говорят вокруг. Меня продавали, сдавали в аренду, проигрывали в карты. Я был безмолвной безотказной тварью. Вот это и было самое дно. Я так жил до сорок второго года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.